

Этюд в багровых тонах

Автор:

[Артур Конан Дойл](#)

Этюд в багровых тонах

Артур Конан Дойл

Яркие страницы

Перу английского писателя, публициста и журналиста Артура Конан Дойла принадлежат исторические, приключенческие, фантастические романы и труды по спиритизму, но в мировую литературу он вошел как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса.

Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования. Неутомимый Шерлок Холмс и его легко увлекающийся друг доктор Ватсон дороги сердцу читателей всего мира.

Артур Конан Дойл

Этюд в багровых тонах

Часть I

Из воспоминаний доктора Джона Х. Уотсона, отставного офицера медицинской службы

Глава 1

Мистер Шерлок Холмс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете и отправился в Нетли на курсы подготовки военных врачей. По окончании занятий я был сразу же зачислен младшим врачом в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк. В ту пору он размещался в Индии, но не успел я туда приехать, как разразилась вторая война с Афганистаном. Сойдя с корабля в Бомбее, я обнаружил, что мой полк уже перевалил через горную цепь и находится далеко на вражеской территории. Вместе с другими офицерами, попавшими в такое же положение, я пустился вслед за своим полком, благополучно нагнал его в Кандагаре и немедленно приступил к выполнению своих новых обязанностей.

Многим эта кампания принесла награды и почести, однако мне достались лишь невзгоды и разочарования. Меня перебросили из Нортумберлендского полка в Беркширский, с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там меня ранило в плечо пулей из кремневого мушкета – она раздробила мне кость и слегка задела подключичную артерию. Я наверняка угодил бы в лапы беспощадных гази?^[1 - Гази – участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее – прим. перев.)], если бы не верность и мужество моего ординарца Марри, который взвалил меня на вьючную лошадь и сумел доставить живым в распоряжение британских войск.

Измученный болями и ослабевший от перенесенных испытаний, я вместе с целой толпой других раненых страдальцев был отправлен на поезде в Пешавар, где находился наш базовый госпиталь. Там мне полегчало; я уже стал потихоньку бродить по коридорам и даже выбираться на веранду, чтобы погреться на солнышке, но тут меня свалил брюшной тиф, этот бич наших индийских владений. Несколько месяцев я был почти безнадежен, а когда наконец пришел в себя и начал понемногу выздоравливать, моя слабость и истощенность заставили медкомиссию принять решение о моей скорейшей отправке обратно к

родным берегам. Меня взяли на борт транспортного судна «Оронт», и спустя месяц я высадился в Плимутской гавани с непоправимо подорванным здоровьем и разрешением отечески заботливого правительства провести ближайшие девять месяцев в попытках его восстановить.

У меня не было в Англии ни родных, ни близких, так что я был свободен как ветер – точнее, как человек, которому положено сводить концы с концами на одиннадцать с половиной шиллингов в день. Естественно, меня потянуло в Лондон, эту огромную выгребную яму, куда неизбежно стекаются лентяи и бездельники со всей империи. Там я снял номер в маленькой гостинице на Стренде и некоторое время влачил тягостное и бессмысленное существование, тратя свои жалкие средства гораздо менее осторожно, чем следовало бы. Вскоре состояние моих финансов сделалось настолько угрожающим, что я понял: надо либо уезжать из столицы и прозябать где-нибудь в провинции, либо круто менять образ жизни. Выбрав последнее, я решил для начала оставить гостиницу и подыскать себе какое-нибудь другое, не столь претенциозное и разорительное обиталище.

В тот самый день, когда было принято это решение, я стоял в баре «Критерион» и вдруг почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, я узнал молодого Стамфорда, который когда-то работал со мной фельдшером в больнице Св. Варфоломея. Увидеть дружеское лицо в бескрайних дебрях Лондона – настоящий подарок судьбы для одинокого человека. Мы со Стамфордом никогда не были закадычными приятелями, но теперь я приветствовал его весьма пылко, да и он, кажется, обрадовался нашей встрече. На радостях я пригласил его отобедать со мной в «Холборне», и мы сразу поехали туда в наемном кабриолете.

– Что вы с собой сделали, Уотсон? – спросил он с неприкрытым удивлением, когда мы катили по людным столичным улицам. – Вы худой как щепка и желтый как лимон!

Я вкратце описал ему свои злоключения, едва успев уложиться до приезда в ресторан.

– Бедняга! – с сочувствием воскликнул он, выслушав мой рассказ. – И чем же вы заняты теперь?

– Ищу жилье, – отвечал я. – Пытаюсь выяснить, можно ли снять приличную квартиру за умеренную плату.

– Вот странно, – заметил мой спутник, – сегодня вы уже второй, от кого я слышу в точности эти самые слова.

– А кто был первым? – спросил я.

– Один мой знакомый, который работает в химической лаборатории при больнице. Нынче утром он сетовал на то, что не может найти себе партнера, – говорил, что отыскал симпатичную квартирку, но она, как назло, ему не по карману.

– Отлично! – воскликнул я. – Если он и правда хочет разделить с кем-нибудь жилье и расходы, я как раз тот, кто ему нужен. По мне, жить в компании намного веселее, чем одному.

Пригубивая вино, молодой Стамфорд бросил на меня странный взгляд.

– Вы еще не знаете Шерлока Холмса, – сказал он. – А то, может, и не захотели бы жить с ним вместе.

– Чем же он плох?

– Я не говорю, что он плох. Просто чудака – энтузиаст некоторых областей науки. А вообще-то, насколько мне известно, человек он порядочный.

– Учится на врача? – предположил я.

– Да нет... я понятия не имею, какие у него планы. По-моему, он хорошо знает анатомию, а химию еще лучше, но, если не ошибаюсь, он не оканчивал никаких медицинских курсов. Изучал то одно, то другое по какой-то загадочной, одному ему ведомой системе и в результате накопил уйму самых неожиданных знаний, которые наверняка порядком удивили бы его профессоров.

– И вы никогда не спрашивали, зачем ему все это нужно? – любопытно спросил я.

– Нет. Из Холмса нелегко что-нибудь вытянуть, хотя, если на него найдет такой стих, он может быть довольно общительным.

– Рад буду с ним познакомиться, – сказал я. – Если уж надо с кем-то делить квартиру, я предпочел бы человека тихого, увлеченного наукой. Я еще чересчур слаб для того, чтобы выносить шум и суету. В Афганистане у меня было этого столько, что хватит на весь оставшийся век. Когда вы могли бы свести меня с вашим приятелем?

– Скорее всего, он сейчас в лаборатории, – отозвался мой собеседник. – Он либо не появляется там целыми неделями, либо трудится с утра до вечера. Если хотите, заглянем туда вместе после обеда.

– Договорились, – ответил я, и наш разговор перешел в другое русло.

Покинув «Холборн», мы поехали в больницу, причем по дороге Стамфорд сообщил мне еще кое-какие подробности о человеке, с которым я собирался жить бок о бок.

– Имейте в виду, если вы с ним не уживетесь, я не виноват, – сказал он. – Я знаю его только потому, что иногда сталкиваюсь с ним в лаборатории. Вы сами напросились на эту встречу, так что в случае чего пеняйте на себя.

– Если мы не поладим, разойтись будет несложно. Однако мне сдается, – добавил я, в упор глядя на своего спутника, – что вы почему-то хотите умыть руки. Неужели у этого малого такой отвратительный характер или что там еще? Признавайтесь сразу, не надо ходить вокруг да около.

– Трудно выразить невыразимое, – ответил он со смехом. – На мой вкус, Холмс слишком уж одержим жаждой познания – настолько, что это граничит с бездушием. Вполне могу представить себе, что он угостит друга щепоткой недавно открытого растительного алкалоида – не со зла, понимаете, а просто из научного любопытства, чтобы лучше понять, как он действует. Правда, надо отдать ему должное, он и сам примет его с той же готовностью. У него прямо-таки страсть к строгим, неопровержимым фактам.

– Что ж, это похвально.

– Пожалуй, но всему есть пределы. Согласитесь, когда человек избивает тростью покойников в прозекторской, его любознательность принимает несколько странную форму.

– Он избивает покойников?

– Да, чтобы проверить, появятся ли у них синяки. Я наблюдал это собственными глазами.

– И вы говорите, что он не собирается стать врачом?

– Нет. Одному богу известно, какие у него цели. Но вот мы и на месте – теперь смотрите и судите сами.

В этот момент мы свернули на узкую аллею, а потом вошли через боковую дверь в крыло огромной больницы. Все здесь было так хорошо мне знакомо, что я вполне мог бы найти дорогу и сам; мы поднялись по унылой каменной лестнице и зашагали по длинному коридору с белеными стенами мимо серо-коричневых дверей. Низкая арка почти в самом конце коридора вела в химическую лабораторию.

Это было помещение с высоким потолком и стеллажами, забитыми бесчисленными банками и склянками. Там и сям стояли низкие широкие столы, оцетинившиеся ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с мерцающими голубоватыми язычками. В комнате находился только один человек – он склонился над дальним столом, поглощенный своим делом. Услышав наши шаги, он обернулся и с радостным восклицанием вскочил на ноги.

– Я нашел его! Нашел! – крикнул он моему спутнику и кинулся к нам с пробиркой в руке. – Вот реактив, который осаждается только гемоглобином и больше ничем! – Если бы он нашел золотую жилу, его лицо не могло бы ярче светиться счастьем.

– Доктор Уотсон, мистер Шерлок Холмс, – представил нас Стамфорд.

– Здравствуйте! – сердечно сказал мой новый знакомый, пожимая мне руку с силой, которой я никак не мог в нем заподозрить. – Я вижу, вы побывали в

Афганистане.

- Откуда вы знаете? - изумился я.

- Это пустяки, - усмехнувшись, сказал он. - Сейчас главное - гемоглобин. Вы, без сомнения, понимаете важность моего открытия?

- С точки зрения химика это, наверное, интересно, - ответил я. - Но практически...

- Боже ты мой, да для судебной медицины это самое важное открытие за последние несколько лет! Разве вы не видите, что оно дает нам абсолютно надежный тест на кровяные пятна? Подите-ка сюда! - Он нетерпеливо схватил меня за рукав и увлек к столу, за которым работал. - Возьмем немного свежей крови, - с этими словами он уколол себе палец длинной иглой и собрал пипеткой выступившую каплю. - Теперь я растворяю это ничтожное количество крови в целом литре воды. Мы видим, что полученный раствор выглядит как чистая вода, не так ли? Содержание крови здесь не больше одной миллионной. И тем не менее я уверен, что мы сможем наблюдать характерную реакцию.

Он бросил в сосуд несколько белых кристалликов, а затем добавил туда каплю-другую какой-то прозрачной жидкости. В тот же миг вода в стеклянной банке приобрела мутно-красный цвет, а на ее дне стал собираться коричневый осадок.

- Ха-ха! - воскликнул он, хлопая в ладоши, точно восторженный ребенок при виде новой игрушки. - Как вам это нравится?

- Похоже, реактив очень чувствительный, - заметил я.

- Прекрасный! Прекрасный! Старый тест с гваяковой смолой очень неудобен и ненадежен. То же самое можно сказать о проверке на наличие кровяных телец с помощью микроскопа. Последняя вообще бессмысленна, если пятна появились хотя бы несколько часов назад. А этот анализ, по-видимому, годится для любой крови, когда бы она ни была пролита. Если бы его придумали раньше, сотни людей, которые сейчас спокойно гуляют по белу свету, уже расплатились бы за свои преступления.

– Неужели? – пробормотал я.

– Уголовные расследования то и дело упираются в эту проблему. К примеру, человек попадает под подозрение через несколько месяцев после того, как было совершено преступление. Проверяют его белье или одежду и находят на них бурые пятна. Что это – кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или еще что-нибудь? Этот вопрос ставил в тупик многих экспертов, а почему? Да потому, что у них не было надежного теста. Зато теперь у нас есть тест Шерлока Холмса, и все трудности позади!

Глаза его буквально сверкали; он положил руку на грудь и поклонился, словно отвечая на аплодисменты невидимой толпы.

– Вас можно поздравить, – промолвил я, немало удивленный его энтузиазмом.

– В прошлом году во Франкфурте был арестован фон Бишофф. Его бы наверняка повесили, если бы следствие имело возможность прибегнуть к моему тесту. А Мейсон из Бредфорда, а пресловутый Мюллер, а Лефевр из Монпелье, а Сэмсон из Нового Орлеана? Я помню десятки случаев, в которых это могло бы сыграть решающую роль.

– Да вы прямо ходячий справочник по преступлениям, – со смехом заметил Стамфорд. – Я бы на вашем месте попробовал издавать газету. Назовите ее «Полицейские вести прошлого».

– И это было бы очень увлекательное чтение, – откликнулся Шерлок Холмс, заклеивая след от укола на пальце маленьким кусочком пластыря. – Мне приходится соблюдать осторожность, – продолжал он с улыбкой, повернувшись ко мне. – Я ведь частенько вожусь с разными ядами. – Он вытянул руку, и я увидел, что вся она залеплена такими же кусочками пластыря и испещрена белесыми пятнышками от попавших на кожу сильных кислот.

– Мы пришли по делу, – заявил Стамфорд, усаживаясь на высокий трехногий табурет и ногой подталкивая ко мне второй. – Моему другу нужна крыша над головой, а поскольку вы жаловались, что не можете найти себе компаньона, я подумал, что неплохо было бы вас познакомить.

Похоже, Шерлоку Холмсу понравилась перспектива разделить со мной жилище.

– Я присмотрел одну квартирку на Бейкер-стрит, – сказал он. – Лучше и желать нельзя. Надеюсь, вы не против запаха крепкого табака?

– Я сам курю «Корабельный», – ответил я.

– Замечательно. Обычно я держу дома химические реактивы и время от времени ставлю опыты. Это не будет вам мешать?

– Ни в коей мере.

– Дайте-ка сообразить, какие у меня еще недостатки? Иногда на меня нападает хандра, и я по целым дням не раскрываю рта. Не надо думать, что я на вас обижен. Просто не трогайте меня, и я скоро вернусь в нормальное состояние. Ну а вам есть в чем признаться? Сейчас, пока мы еще не поселились вместе, не мешало бы узнать друг о друге самое худшее.

Меня рассмешила эта взаимная исповедь.

– Я держу щенка бульдога, – сказал я, – и возражаю против шума, потому что у меня расшатаны нервы, и люблю иногда подольше поваляться в постели, и вообще я редкий лентяй. Когда со здоровьем у меня станет получше, появится еще ряд недостатков, но пока эти самые главные.

– А игру на скрипке вы тоже считаете шумом? – с тревогой спросил он.

– Все зависит от того, как играть, – ответил я. – Хорошая скрипичная музыка – это дар богов. Ну а плохая...

– Тогда все в порядке, – сказал он с довольным смехом. – Думаю, можно считать дело решенным – конечно, если квартира придется вам по вкусу.

– Когда на нее можно будет взглянуть?

– Зайдите за мной сюда завтра в полдень, мы отправимся туда и все уладим, – предложил он.

– Хорошо. Итак, ровно в полдень, – сказал я, пожимая ему руку.

Оставив Холмса наедине с его химикалиями, мы вдвоем пошли к моей гостинице.

– Кстати, – вдруг сказал я, остановившись и повернувшись к Стамфорду, – как он, черт возьми, угадал, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник улыбнулся загадочной улыбкой.

– Это его маленький секрет, – сказал он. – Многие хотели бы узнать, как он все угадывает.

– Так значит, секрет? – воскликнул я, потирая руки. – Как любопытно! Я вам очень признателен за то, что вы нас свели. «Нам должно человека изучать»[2 - Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.], верно?

– Ну-ну, изучайте, – сказал Стамфорд, махнув мне на прощание. – Только это будет непросто. Бьюсь об заклад, что он раскусит вас раньше, чем вы его. До свиданья!

– До свиданья, – ответил я и зашагал к себе в гостиницу, крайне заинтригованный своим новым знакомым.

Глава 2

Искусство дедукции

На следующий день мы встретились в условленный час и осмотрели квартиру в доме 221-б по Бейкер-стрит, о которой говорили накануне. В ней была пара удобных спален и светлая, просторная гостиная с двумя широкими окнами и приятной глазу обстановкой. Квартира выглядела столь соблазнительной во всех отношениях, а плата за нее, поделенная между нами, оказалась столь скромной, что мы тут же ударили по рукам и вступили во владение своим новым обиталищем. В тот же вечер я перевез из гостиницы свои пожитки, а на следующее утро ко мне присоединился и Шерлок Холмс с несколькими ящиками

и чемоданами. День-другой мы были заняты тем, что разбирали багаж и подыскивали для каждого предмета самое подходящее место. Затем стали потихоньку обживаться и привыкать к новому окружению.

Холмс был определенно не из тех, с кем трудно наладить совместное существование. Он вел спокойную, размеренную жизнь: ложился спать, как правило, не позднее десяти часов, а по утрам неизменно успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежился в постели. Иногда он проводил дни в химической лаборатории, иногда в прозекторских, а порой совершал долгие прогулки, которые, похоже, заводили его в самые бедные городские кварталы. Когда Холмса охватывал рабочий пыл, его энергия казалась неисчерпаемой, но время от времени наступала реакция и он с утра до вечера лежал на диване в гостиной, почти не давая себе труда обронить слово или пошевелить пальцем. В подобных случаях я подмечал у него в глазах такое мечтательное, отсутствующее выражение, что заподозрил бы его в пристрастии к какому-нибудь наркотику, если бы свойственные ему умеренность и чистоплотность не противоречили этой гипотезе со всей очевидностью.

Пробегала неделя за неделей, а мой интерес к личности Холмса и желание узнать, чем он живет, все росли да росли. Сам он, весь его облик были таковы, что мимо него не прошел бы равнодушно самый поверхностный наблюдатель. Ростом шесть футов с лишком, он был настолько худ, что казался значительно выше. Взгляд у него был острый, пронизывающий, если не считать тех периодов апатии, о которых я уже упоминал, а тонкий ястребиный нос придавал его лицу выражение решительности и настороженности. Подбородок, также выступающий вперед и резко очерченный, выдавал непреклонную волю. Его руки были вечно заляпаны чернилами и реактивами, но он умел обращаться с предметами необычайно бережно, что я не раз имел случай отметить, наблюдая, как он возится со своими хрупкими алхимическими приборами.

Наверное, читатель сочтет меня в высшей мере назойливым и бестактным, если я признаюсь, как сильно этот человек возбуждал мое любопытство и как часто я пытался пробиться сквозь барьер сдержанности, за которым он прятал все, что имело к нему непосредственное отношение. Однако прежде чем выносить приговор, вспомните, сколь бесцельной была тогда моя жизнь и как мало было у меня развлечений. Слабое здоровье позволяло мне выходить из дому лишь в самые погожие дни, а друзей, которые могли бы нарушить своим визитом однообразие моего существования, у меня не было. Стоит ли удивляться тому, что я так обрадовался тайне, окружавшей моего компаньона, и посвящал

столько времени тщетным попыткам ее разгадать!

Он не изучал медицину – он сам сообщил об этом в ответ на прямой вопрос, подтвердив мнение, высказанное Стамфордом. Кроме того, он не выказывал склонности к систематическим занятиям ради получения ученой степени или достижения иных результатов, которые могли бы распахнуть перед ним двери в заманчивый мир науки. Однако его интерес к некоторым ее направлениям был несомненным и его познания в отдельных, весьма неожиданных сферах изумляли меня своей обширностью и глубиной. Очевидно, никто не стал бы работать с таким усердием и накапливать столь конкретную информацию, не имея он для этого вполне определенной цели. Всеядные читатели редко могут похвастаться подробной осведомленностью в какой бы то ни было области. Никто не станет обременять свою память мелкими деталями, если не имеет на это достаточно веских оснований.

Его невежество было не менее поразительным, чем его эрудиция. О современной литературе, философии и политике он, по-видимому, не знал почти ничего. Однажды в разговоре с ним я сослался на Томаса Карлейля, и Холмс пренаивнейшим образом спросил, кто он такой и чем отличился. Однако мое изумление достигло апогея, когда я случайно обнаружил, что он незнаком с теорией Коперника и не представляет себе, как устроена Солнечная система. Что цивилизованный человек в девятнадцатом веке может не знать о вращении Земли вокруг Солнца – в это я просто не мог поверить.

– Вы, кажется, удивлены, – сказал он, улыбаясь при виде моего ошеломленного лица. – Но теперь, когда вы поделились со мной этими ценными сведениями, я постараюсь как можно скорее их забыть.

– Забыть?

– Видите ли, – объяснил он, – человеческий мозг представляется мне изначально похожим на маленький пустой чердак, который можно оборудовать по своему желанию. Дурак натащит туда всякого барахла, какое подвернется под руку, а в результате более ценные знания или вовсе окажутся вытеснены, или перемешаются с кучей других вещей – поди отыщи их потом. Искусный же ремесленник отбирает то, что хочет поместить в свой мозг, с большим тщанием. Ему нужны только инструменты, с помощью которых он выполняет свою работу, но их у него множество и все разложены по полочкам в безупречном порядке. Думать, что у этой маленькой комнатки резиновые стены и их можно

растягивать до бесконечности, – серьезная ошибка. Рано или поздно наступит момент, когда в расплату за каждую порцию свежих знаний вам придется что-нибудь забывать. Поэтому чрезвычайно важно не загромождать свой чердак бесполезными фактами, вытесняя при этом полезные.

– Но не знать о Солнечной системе! – возразил я.

– Да на кой черт она мне сдалась? – нетерпеливо перебил он. – Вы говорите, что мы вертимся вокруг Солнца. Но если бы мы вертелись вокруг Луны, это ровным счетом ничего не изменило бы ни для меня, ни для моей работы.

Я хотел было спросить, что же у него за работа, но какая-то нотка в его голосе подсказала мне, что сейчас этот вопрос задавать не стоит. Однако позже, размышляя над нашим кратким разговором, я попытался сделать из него свои выводы. Холмс заявил, что он против бесполезных фактов. Следовательно, все знания, которыми он располагает, ему для чего-то нужны. Я мысленно перечислил разнообразные области, в которых он на моей памяти демонстрировал необычайную осведомленность или отсутствие таковой. Я даже взял карандаш и записал их. Завершив этот труд, я не смог сдержать улыбки. Мой список выглядел так:

ШЕРЛОК ХОЛМС – ОСОБЕННОСТИ КРУГОЗОРА

Дойдя до этого пункта, я в отчаянии бросил листок в камин. «Да разве можно примирить все эти противоречия и понять, чего хочет человек, обладающий таким странным набором дарований! – подумал я. – Лучше и не пытаться».

Я уже упоминал, что Холмс хорошо владел скрипкой. Он действительно был великолепным музыкантом, однако и здесь ярко проявлялась его эксцентричность. В том, что он может исполнять классические пьесы, и притом весьма трудные, я убедился сам, поскольку по моей просьбе он не раз играл «Песни» Мендельсона и прочие любимые мною произведения. Однако, предоставленный самому себе, он редко извлекал из своего инструмента что-то похожее на обычную музыку или хотя бы просто на мелодию. Вечером,

устроившись в кресле, он закрывал глаза и небрежно водил смычком по струнам, оперев скрипку на колено. Иногда при этом раздавались звучные, печальные аккорды. Порой их сменяли причудливые наигрыши, в которых сквозило отчаянное веселье. Очевидно, эта неординарная музыка была как-то связана с занимавшими его мыслями, но помогала ли она их течению или, наоборот, рождалась под влиянием капризов его воображения, я определить не умел. Наверное, я взбунтовался бы против этих режущих ухо концертов, если бы под конец он обычно не проигрывал подряд несколько моих любимых пьес, словно извиняясь за то, что так долго испытывал мое терпение.

В течение первой недели к нам никто не заглядывал, и я стал подумывать, что у моего компаньона не больше друзей, чем у меня. Но вскоре я убедился, что у него полным-полно знакомых, причем из самых разных слоев общества. Щуплый человечек с крысиной физиономией и темными глазками, побывавший у нас трижды или четырежды на протяжении одной недели, был представлен мне как мистер Лестрейд. Как-то утром пришла модно одетая девица и задержалась на полчаса или более. В тот же день, ближе к вечеру, явился потрепанный седовласый господин, похожий на уличного торговца-еврея, – кажется, он был очень взволнован, – а вслед за ним в нашу дверь постучалась неряшливая пожилая женщина. В другой раз с моим компаньоном имел беседу какой-то почтенный старик, а следующим визитером стал вокзальный носильщик в форменном вельветиновом костюме. Как только на нашем пороге появлялась очередная странная личность, Шерлок Холмс просил разрешения занять гостиную, и я уходил к себе в спальню. Он всегда извинялся передо мной за причиненное неудобство. «Что делать, я вынужден использовать эту комнату как свой кабинет, – как-то сказал он. – Эти люди – мои клиенты». И снова у меня была возможность задать прямой вопрос, и снова из соображений такта я решил промолчать. В ту пору мне казалось, что у него есть серьезные причины держать свои занятия в тайне, однако вскоре он развеял это заблуждение, заговорив на интересующую меня тему по собственному почину.

Это произошло в марте, четвертого числа, – дата, которую я запомнил надолго. Встав несколько раньше обычного, я обнаружил, что Шерлок Холмс еще не покончил с завтраком. Хозяйка нашей квартиры привыкла к тому, что я долго сплю, а потому не поставила мне прибор и не сварила кофе. Раздраженный без всякой причины, как это частенько бывает с людьми, я дернул веревочку звонка и лаконично сообщил, что голоден. Затем взял со столика журнал и принялся листать его, чтобы скоротать время. Мой компаньон молча жевал гренки. Заглавие одной статьи было отмечено карандашом, и я, естественно, начал ее просматривать.

Она называлась довольно претенциозно – «Книга жизни», – и ее автор рассказывал о том, как много может узнать наблюдательный человек, если будет подробно и систематически анализировать все, что попадает ему на глаза. Статья показалась мне причудливой смесью проницательных и нелепых суждений. Автор писал внятно и логично, однако его выводы, с моей точки зрения, были слишком уж натянутыми и преувеличенными. Он утверждал, что по мгновенному выражению лица, по одному сокращению мускула или мимолетному взгляду можно угадать сокровенные мысли человека. Если вы приучили себя наблюдать и сопоставлять, говорил он, то вас практически невозможно обмануть. Ваши заключения будут неопровержимыми, как теоремы Эвклида. И результаты вашего анализа покажутся непосвященному столь поразительными, что если вы не объясните, каким образом их получили, он будет смотреть на вас как на чародея.

«По одной капле воды, – писал автор, – человек, умеющий мыслить логически, может сделать вывод о существовании Ниагарского водопада или Атлантического океана, даже если он никогда их не видел и ничего о них не слышал. Вся жизнь – гигантская цепь, о природе которой мы можем судить по единственному ее звену. Подобно всем прочим искусствам, умение наблюдать и делать выводы приобретает только путем долгих и упорных упражнений, и наш земной век слишком короток, чтобы овладеть этим умением в совершенстве. Прежде чем обратиться к тем его моральным и интеллектуальным аспектам, которые представляют собой наибольшие трудности, желающий добиться успеха в этом деле должен научиться решать задачи попроще. Для начала пусть он попробует, взглянув на случайного прохожего, сразу определить основные черты его биографии и профессию, которой он себя посвятил. Хотя это занятие может показаться детской забавой, оно обостряет способность к наблюдению и учит, куда надо смотреть и что искать. Ногти человека, его рукава, ботинки, брюки на коленях, мозоли на большом и указательном пальцах, выражение лица, манжеты рубашки – все это явственно говорит о том, какая у него профессия. По крайней мере, почти невозможно представить себе, чтобы, глядя на все это, опытный наблюдатель не сумел сделать достоверных выводов».

– Какой несусветный вздор! – воскликнул я, хлопнув журналом об стол. – В жизни не читал подобной чепухи!

– О чем это вы? – поинтересовался Шерлок Холмс.

– Да вот об этой статье, – сказал я, ткнув в нее ложкой, и принялся за свое яйцо. – Я вижу, вы ее уже прочли, раз она помечена. Написано бойко, что и говорить. Но все равно, меня такие штучки бесят! Совершенно ясно, что это писал какой-то книжный червяк, любитель сочинять изящные парадоксы в тиши своего кабинета. Но какой прок в его теориях? Запихнуть бы этого умника в вагон третьего класса подземки и предложить ему угадать профессии пассажиров – готов поставить тысячу против одного, что у него ничего не выйдет!

– И вы проиграете, – спокойно заметил Холмс. – А статью написал я.

– Вы?

– Да. У меня есть склонность к наблюдению и анализу. Теория, которую я здесь изложил и которая показалась вам столь далекой от жизни, на самом деле весьма полезна – полезна настолько, что с ее помощью я зарабатываю себе на хлеб с маслом.

– Как это? – невольно вырвалось у меня.

– Видите ли, у меня редкая профессия. Возможно, я единственный ее представитель на всем белом свете. Я сыщик-консультант, если вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество сыщиков – одни состоят на государственной службе, другие работают частным образом. Когда эти люди заходят в тупик, они обращаются ко мне, и я стараюсь навести их на верный след. Они излагают мне факты, и, поскольку я неплохо знаком с историей преступлений, мне обыкновенно удается извлечь из них что-нибудь путное. Многие злодеяния сходны между собой, и если вы хорошо помните обстоятельства тысячи уголовных дел, вам не так уж трудно распутать тысяча первое. Лестрейд – очень известный сыщик. Недавно он запутался в одной истории о подложных документах, и это привело его сюда.

– А остальные ваши гости?

– Как правило, их присылают ко мне частные детективные агентства. Все это люди, попавшие в беду; им нужно пролить свет на то, что с ними случилось. Я выслушиваю их рассказы, они выслушивают мое заключение – и я кладу в карман гонорар.

– Не хотите ли вы сказать, что, не покидая этой комнаты, можете распутать узел, над которым тщетно бьются другие – те, кто видел все подробности своими глазами?

– Именно так. Мне помогает своего рода интуиция. Впрочем, иногда бывают случаи посложнее – тогда приходится побегать, чтобы во всем разобраться. Не забывайте, что в моем распоряжении имеется уйма специальных знаний, а это значительно упрощает дело. Правила дедукции, изложенные в статье, о которой вы отозвались с таким презрением, – бесценный инструмент в моей работе. Наблюдение давно стало моей второй натурой. Помните, как вы удивились в день нашего знакомства, когда я сказал, что вы приехали из Афганистана?

– Очевидно, кто-то вам об этом сообщил.

– Ничего подобного. Я был уверен, что вы прибыли из Афганистана. Благодаря долгой практике цепочка умозаключений складывается в моем мозгу настолько стремительно, что я сделал окончательный вывод, даже не замечая промежуточных шагов. Но они были, эти шаги. Я рассуждал примерно так: «Этот джентльмен похож на врача, но выправка у него армейская. Стало быть, военный врач. Он только что вернулся из тропиков, потому что лицо у него смуглое, но это не природный цвет его кожи, поскольку запястья у него гораздо светлее. Судя по его худобе, он побывал в серьезных передрягах и перенес тяжелую болезнь. Левая рука у него повреждена: он держит ее слегка неестественно. Где же именно в тропиках английский военный врач мог перенести столько невзгод и получить ранение в руку? Очевидно, в Афганистане». Весь ход мыслей не занял у меня и секунды. Потом я сказал, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

– После ваших объяснений все кажется очень простым, – улыбнулся я. – Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я думал, такие люди бывают только в книгах.

Шерлок Холмс поднялся с кресла и раскурил трубку.

– Вы, без сомнения, полагаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, – заметил он. – А по-моему, ваш Дюпен отнюдь не блистал умом. Этот его приемчик: продолжать ход мыслей своего приятеля каким-нибудь внезапным замечанием после десятиминутной паузы в разговоре, – несложный трюк,

рассчитанный на дешевый эффект. Конечно, он обладал некоторыми способностями к анализу, однако вовсе не был таким уж феноменом, каким изобразил его По.

- А Габорио вы читали? - спросил я. - Как по-вашему, Лекок - хороший сыщик?

Шерлок Холмс пренебрежительно хмыкнул.

- Лекок - редкий тупица, - сердито сказал он. - У него только и есть что энергия. Меня от этой книги чуть не стошнило. Ему надо было всего-навсего установить личность заключенного. Мне хватило бы для этого двадцати четырех часов, а он копался добрых полгода! По этому сочинению можно учить сыщиков, как не надо работать.

Холмс так бесцеремонно обругал моих любимых литературных героев, что в душе у меня вспыхнуло негодование. Я подошел к окну и устремил взгляд на оживленную улицу. «Может, он и умен, - сказал я себе, - но такое самодовольство - это уж чересчур».

- Где они теперь, настоящие преступления и настоящие преступники? - брюзгливо сказал Холмс. - Кому нужны мозги в нашей профессии? Я отлично знаю, что мог бы прославиться. На свете нет и никогда не было человека, который посвятил бы раскрытию преступлений больше труда и врожденного таланта, чем я. И что в результате? Раскрывать нечего - разве что какое-нибудь дурацкое, неумелое злодейство с таким банальным мотивом, что даже полицейские из Скотленд-Ярда видят все насквозь.

Меня по-прежнему раздражал его высокомерный тон, и я решил, что лучше будет сменить тему.

- Интересно, что он там ищет? - спросил я, указывая на рослого, просто одетого человека, который шел по другой стороне улицы, внимательно вглядываясь в номера домов. В руке он держал большой синий конверт - очевидно, это был посыльный.

- Кто - вон тот отставной флотский сержант? - отозвался Холмс.

«Жалкий хвостун! – подумал я про себя. – Понимает, что его не проверишь».

Едва эта мысль успела проскользнуть у меня в голове, как человек, за которым мы наблюдали, увидел номер на нашей двери и бегом пересек мостовую. Мы услышали громкий стук, звучный голос внизу и тяжелые шаги на лестнице.

– Мистеру Шерлоку Холмсу, – сказал он, переступая порог и протягивая конверт моему товарищу.

Это была прекрасная возможность сбить с него спесь: он вряд ли предвидел такое развитие событий, когда пытался наобум угадать бывшую профессию почтальона.

– Позвольте спросить, любезный, – сказал я самым вкрадчивым тоном, на какой только был способен, – чем вы занимаетесь?

– Работаю курьером, сэр, – хрипловатым голосом ответил он. – Форму отдал в починку.

– А раньше кем были? – продолжал я, с легким злорадством покосившись на своего компаньона.

– Сержантом Королевской морской пехоты, сэр. Ответа не ждать? Есть, сэр.

Он щелкнул каблуками, отдал честь и был таков.

Глава 3

Тайна Лористон-Гарденс

Признаюсь, что я был ошеломлен этим неожиданным доказательством практической пригодности теории моего компаньона. Мое уважение к его аналитическим способностям сразу же резко возросло. Правда, где-то на задворках моего сознания брезжило подозрение, что вся история с посыльным

подстроена, чтобы сбить меня с толку, но зачем Холмсу могло понадобиться меня дурачить – этого я решительно не мог уразуметь. Когда я посмотрел на него, он как раз дочитал письмо и его потускневшие глаза приняли то рассеянное выражение, которое свидетельствует о поглощенности человека своими мыслями.

– Как, скажите на милость, вы это определили? – спросил я.

– Что именно? – недовольно откликнулся он.

– Ну что он отставной сержант морской пехоты?

– У меня нет времени на пустяки, – отрезал он, но тут же добавил с улыбкой: – Простите за грубость. Вы прервали нить моих размышлений, но, может, оно и к лучшему. Так значит, вы не сумели разглядеть, что этот человек служил во флоте?

– Нет, не сумел.

– Легче было понять это, чем объяснить, как я понял. Если бы вас попросили доказать, что дважды два четыре, вы, пожалуй, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя и не сомневаетесь в том, что это именно так. Даже отсюда, с другой стороны улицы, я увидел на руке этого малого татуировку – большой синий якорь. Тут сразу запахло морем. Осанка у него как у военного, и бакенбарды такие, какие разрешено носить флотским, – вот вам и морская пехота. Далее, ясно было, что он себя уважает и привык командовать – должно быть, вы заметили, как он держал голову и помахивал тростью. Основательный, уравновешенный человек средних лет – все эти факты и привели меня к заключению, что он был сержантом.

– Великолепно! – воскликнул я.

– Ничего особенного, – сказал Холмс, хотя по его лицу я видел, что он польщен моим откровенным удивлением и восторгом. – Пять минут назад я говорил, что преступники у нас перевелись. Похоже, я был не прав – взгляните-ка! – И он бросил мне письмо, принесенное курьером.

– Боже мой! – воскликнул я, пробежав его глазами. – Какой ужас!

– Действительно, несколько необычно, – спокойно заметил он. – Не соблаговолите ли прочесть это вслух?

Вот что я прочел Холмсу по его просьбе:

«Уважаемый мистер Шерлок Холмс!

Сегодня ночью в доме номер три по Лористон-Гарденс, близ Брикстон-роуд, случилось грязное дело. Часа в два наш дежурный на этом участке заметил там свет и, поскольку дом был нежилой, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в прихожей, среди голых стен, лежал труп мужчины, хорошо одетого, с карточками в кармане на имя Инока Дж. Дреббера, Кливленд, Огайо, США. Его не ограбили, и пока остается неясным, как он встретил свою смерть. В комнате есть следы крови, но на теле не обнаружено никаких ран. Мы не знаем, как он попал в пустой дом, и вообще, вся эта история – сплошная загадка. Если Вы сможете заглянуть в этот дом в любое время до полудня, то найдете меня там. Пока я не получу от Вас ответа, здесь никто ничего не тронет. Если не сможете прийти, я сообщу Вам дополнительные детали и почту за огромную любезность с Вашей стороны, если Вы поделитесь со мной своими соображениями.

Искренне Ваш, Тобиас Грегсон».

– Грегсон – самый смысленый детектив в Скотленд-Ярде, – заметил мой друг. – Они с Лестрейдом, так сказать, лучшие среди худших. Оба бойкие, напористые, хотя мыслят чересчур шаблонно – ни капли оригинальности. Между прочим, они не слишком ладят друг с другом. Ревнивы, как парочка профессиональных красавиц. Забавно будет, если их обоих поставят на это дело.

Я был поражен невозмутимостью, с которой он излагал мне все это.

– Наверное, нельзя терять ни минуты! – воскликнул я. – Хотите, я поймаю вам кеб?

– А я еще не решил, ехать мне или нет. Я ведь лентяй, каких свет не видел. Хотя иногда могу и взбодриться, если вдруг найдет такой стих.

– Но это же тот самый случай, о котором вы мечтали!

– Дорогой мой, ну какой мне с него прок? Даже если я распутаю дело, можете не сомневаться, что все почести достанутся Грегсону, Лестрейду и компании. Вот что значит быть неофициальным лицом.

– Но он просит вас о помощи.

– Да. Он знает, что ему до меня далеко, и признаётся мне в этом, но скорее отрежет себе язык, чем повторит это кому-то третьему. Впрочем, можно поехать и взглянуть, как там и что. Займусь делом на свой страх и риск. В конце концов, хоть посмеюсь над ними, если больше ничего не получу. Вперед!

Он схватил плащ, и по его энергичным движениям я понял, что приступ хандры сменился приступом активности.

– Берите шляпу, – сказал он.

– Хотите, чтобы я поехал с вами?

– Да, если у вас нет занятия поинтересней.

Минуту спустя наемный экипаж уже мчал нас в сторону Брикстон-роуд. Утро выдалось хмурое, туманное; над крышами домов висела серовато-бурая дымка, словно отражение грязных улиц внизу. Мой спутник был в прекрасном расположении духа и без умолку болтал о кремонских скрипках и о разнице между инструментами Страдивари и Амати. Я же, напротив, хранил молчание, поскольку дурная погода и мрачное дело, ожидавшее нас впереди, действовали на меня угнетающе.

– Похоже, вас не очень занимает цель нашего путешествия, – наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Холмса.

– Мне не хватает данных, – ответил он. – Ни в коем случае нельзя строить теории, пока у вас на руках нет всех фактов. Иначе можно потерять объективность.

– Скоро вы получите ваши факты, – заметил я, показывая в окно. – Вот Брикстон-роуд, а вон и тот самый дом, если я, конечно, не ошибаюсь.

– Все верно. Стойте, кучер, стойте!

Нам оставалось до места около сотни ярдов, но Холмс настоял на том, чтобы мы сошли и проделали финальную часть пути пешком.

Номер третий по Лористон-Гарденс имел зловещий и угрюмый облик. Это был один из четырех домов, слегка отстоящих от мостовой, – в двух кто-то жил, а два других пустовали. Последние меланхолически взирали на нас тремя рядами унылых, подслеповатых окон, на которых там и сям, словно бельма, торчали таблички «Сдается внаем». Каждый из этих домов был отделен от улицы маленьким палисадником с редкой и чахлой растительностью, разрезанным пополам узкой желтоватой дорожкой, состоящей, насколько я мог судить, из смеси глины и гравия. Ночью прошел дождь, и все вокруг порядком раскисло. Палисадники были огорожены трехфутовой кирпичной стеной, ошестинившейся сверху деревянными колышками, и к этой стене прислонился дюжий констебль. Рядом с ним собралась кучка зевак, которые вытягивали шеи в тщетной надежде хоть краешком глаза угледеть, что творится внутри.

Я полагал, что Шерлок Холмс немедленно кинется в дом и начнет расследование. Однако у него, похоже, были совсем другие планы. С беззаботным видом, который в этой ситуации показался мне граничащим с позерством, он прошелся туда-сюда по тротуару, рассеянно поглядывая на землю, небо, дома напротив и ограду. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке, или, точнее, по узкой полоске травы вдоль нее, не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а один раз я заметил у него на лице улыбку и услышал сорвавшееся с его губ довольное восклицание. На мокрой глинистой почве должно было остаться множество следов, но поскольку служители порядка успели добавить к ним щедрую толику своих собственных, я не мог понять, что мой друг рассчитывает там найти. Тем не менее, получив недавно весьма впечатляющие доказательства его проницательности, я не сомневался, что он видит гораздо больше того, что открыто моему скромному взору.

У дверей дома нас встретил высокий белолицый человек с соломенными волосами и блокнотом в руке; он бросился к моему спутнику и горячо пожал ему руку.

– Как славно, что вы пришли, – сказал он. – Здесь никто ничего не трогал.

– Кроме этого! – откликнулся мой друг, кивнув на дорожку. – Даже стадо буйволов не смогло бы так основательно все затоптать. Но вы, Грегсон, – вы, конечно, успели сделать необходимые выводы, прежде чем позволили своим подчиненным так поступить.

– У меня было много работы внутри, – уклончиво сказал сыщик. – Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я думал, он об этом позаботится.

Холмс искоса взглянул на меня и саркастически поднял брови.

– После таких специалистов, как вы с Лестрейдом, человеку со стороны вряд ли удастся отыскать здесь еще что-нибудь стоящее, – сказал он.

Грегсон самодовольно потер руки.

– Думаю, мы сделали все, что можно, – ответил он. – Однако дело странное, а я знаю, что вы такие любите.

– Вы ведь приехали сюда не в кебе? – спросил Шерлок Холмс.

– Нет, сэр.

– А Лестрейд?

– Тоже нет.

– Тогда пойдемте посмотрим комнату, – без всякой логики заключил Холмс и зашагал в дом.

Удивленно пожав плечами, Грегсон двинулся за ним по пятам.

Пыльный короткий коридор с голыми, обшитыми деревом стенами вел в кухню и подсобные помещения. Слева и справа было по двери. Одну из них явно не отпирали уже много недель. За другой находилась столовая – то самое место, где обнаружили труп. Холмс ступил туда, и я последовал за ним с той тяжестью на душе, какую порождает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся еще больше из-за полного отсутствия мебели. Яркие аляповатые обои на ее стенах местами уже разъела плесень, а кое-где они свисали кусками вниз, обнажая желтую штукатурку. Напротив двери красовался претенциозный камин, увенчанный белой полкой «под мрамор». К ее углу был прилеплен огарок красной восковой свечи. В единственное и чрезвычайно грязное окно едва пробивался тусклый, неверный свет, который окрашивал все вокруг в унылые серые тона, в чем ему немало помогал толстый слой лежащей повсюду пыли.

Все эти подробности я заметил позже. Сначала мое внимание целиком сосредоточилось на одной мрачной неподвижной фигуре, которая распростерлась на дощатом полу, устремив свой равнодушный, невидящий взгляд в полинявший потолок. Это был труп человека лет сорока трех или сорока четырех, среднего роста, широкоплечего, с черными курчавыми волосами и короткой щетинистой бородкой. Его костюм составляли сюртук из плотного сукна, жилетка, светлые брюки и безупречный воротничок с манжетами. Рядом, на полу, валялся начищенный до блеска цилиндр. Руки мертвого, сжатые в кулаки, были раскинуты в стороны, а ноги цеплялись одна за другую, что говорило об отчаянной борьбе со смертью. Его черты исказила гримаса ужаса, смешанного, как мне почудилось, с ненавистью, – такого выражения мне еще ни разу не доводилось наблюдать на человеческом лице. Эта жуткая, злобная мина в сочетании с низким лбом, коротким носом и выступающей нижней челюстью придавала мертвецу бросающееся в глаза сходство с крупной обезьяной, которое еще более усугублялось его неестественной позой. Я видел смерть в разных обличьях, но никогда еще она не казалась мне такой страшной, как в этой темной, прокопченной комнате близ одной из главных магистралей лондонских окраин.

Лестрейд, как всегда тощий и похожий на хорька, появился на пороге и приветствовал нас с Холмсом.

- Шумиха подыметесь изрядная, сэр, – заметил он. – Мне такие дела еще не попадались, а я ведь тертый калач.

- И никаких зацепок? – спросил Грегсон.

- Ни единой, – в тон ему отозвался Лестрейд.

Шерлок Холмс приблизился к телу и, став на колени, внимательно его осмотрел.

- Вы уверены, что ран нет? – спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови вокруг.

- Абсолютно! – воскликнули оба детектива.

- Тогда, очевидно, это кровь другого человека – предположительно убийцы, если здесь было совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать четвертом году. Помните это дело, Грегсон?

- Нет, сэр.

- Почитайте о нем, не пожалеете. Нет ничего нового под солнцем! Все уже бывало прежде.

Пока он говорил, его ловкие пальцы так и летали над трупом, ощупывая, надавливая, расстигивая, изучая, тогда как в глазах у него застыло то самое отсутствующее выражение, которое я подмечал раньше. Осмотр был произведен настолько быстро, что посторонний легко мог бы усомниться в его тщательности. Под конец Холмс понюхал губы трупа и мельком взглянул на подошвы его лакированных туфель.

- Его совсем не перемещали? – спросил он.

- Разве что самую малость, во время осмотра.

- Можно отправлять в морг, – сказал Холмс. – Нам он больше не пригодится.

За дверь уже дожидались четверо полицейских с носилками. По команде Грегсона они вошли в комнату, забрали мертвеца и вынесли за порог. Когда они поднимали тело, что-то вдруг звякнуло, и по полу покатилося колечко. Лестрейд схватил его и вперился в него недоумевающим взглядом.

- Тут была женщина! - вскричал он. - Это женское обручальное кольцо.

Он протянул к нам ладонь с кольцом. Мы подошли ближе и принялись рассматривать найденную вещицу. Не было никаких сомнений в том, что когда-то этот тонкий ободок из чистого золота блестел на пальце невесты.

- Это усложняет дело, - сказал Грегсон. - А оно, видит бог, и так достаточно сложное.

- Вы уверены, что не упрощает? - возразил Холмс. - Ну да что толку на него глазеть. Что вы нашли у мертвого в карманах?

- Все здесь, - ответил Грегсон, указывая на кучку предметов на одной из нижних ступеней лестницы. - Золотые часы номер 97163 производства «Барро», Лондон. Цепочка для часов, тоже золотая, очень прочная и массивная. Золотой перстень с масонской эмблемой. Золотая булавка - голова бульдога с рубинами вместо глаз. Кожаная визитница с карточками на имя Инока Дж. Дреббера из Кливленда, что соответствует инициалам на белье - И. Дж. Д. Кошелек нет, но деньги имеются, на общую сумму семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо с именем «Джозеф Стенджерсон» на форзаце. Два письма - одно адресовано И. Дж. Дребберу, второе все тому же Джозефу Стенджерсону.

- На какой адрес?

- Американская биржа на Стренде, до востребования. Оба отправлены Гуйонской паровой компанией, и оба содержат расписание отхода ее судов из Ливерпуля. Ясно, что этот несчастный собирался возвращаться в Нью-Йорк.

- Вы навели справки об этом Стенджерсоне?

– Сразу же, сэр, – ответил Грегсон. – Я велел дать объявления во все газеты, а один из моих людей отправился на Американскую биржу, но еще не вернулся.

– В Кливленд сообщили?

– Телеграммой, нынче утром.

– В каких словах?

– Просто описали ситуацию и сказали, что будем благодарны за любые полезные сведения.

– Вы не интересовались подробностями, которые показались вам особенно важными?

– Я спросил о Стенджерсоне.

– И только? Разве в этом деле нет обстоятельства, от которого зависит все остальное? Вы не думаете послать еще одну телеграмму?

– Я написал все, что считал нужным, – с обидой в голосе ответил Грегсон.

Шерлок Холмс усмехнулся себе под нос и хотел было отпустить какое-то замечание, но вдруг из столовой – наш разговор происходил в коридоре – показался Лестрейд, потирающий руки с видом глубочайшего довольства собой.

– Мистер Грегсон, – сказал он, – я только что сделал открытие исключительной важности, которое так и осталось бы для нас тайной, если бы я не решил как можно тщательнее осмотреть стены.

Глаза маленького человечка сверкали – очевидно, ему было трудно сдерживать ликование, вызванное тем, что он обставил своего коллегу на одно очко.

– Подите-ка сюда, – позвал он, торопливо возвращаясь в комнату, где стало гораздо легче дышать после отбытия ее страшного обитателя. – Смотрите!

Он чиркнул о ботинок спичкой и поднес ее к стене.

– Как вам это нравится? – с триумфом спросил он.

Я уже говорил, что обои в комнате частично отклеились от стен. В углу оторвался большой кусок, открыв желтый квадрат грубой штукатурки. На этой голой поверхности было нацарапано кроваво-красными буквами единственное слово:

RACHE

– Ну, что скажете? – воскликнул сыщик, словно конференсье после эффектного номера. – Этого никто не заметил, потому что угол здесь темный и никому не пришло в голову сюда заглянуть. Убийца написал это своей собственной кровью. Видите, вот тут она стекла струйкой по стене? Во всяком случае, версия самоубийства теперь исключается. А почему был выбран именно этот угол? Я вам скажу. На каминной полке стоит свеча. Тогда она горела, а если ее зажечь, этот угол сразу превратится из самого темного в самый светлый.

– И что же означает эта ваша надпись? – с легким пренебрежением в голосе спросил Грегсон.

– Что она означает? Ясно как день, что убийца хотел – ну или хотела, если это была она, – написать женское имя «Рэчел», но кто-то его спугнул. Попомните мои слова: когда мы разгадаем эту тайну, вы увидите, что в ней замешана женщина по имени Рэчел. Смейтесь, смейтесь, мистер Шерлок Холмс. Конечно, ума вам не занимать, но в конечном счете и вы признаете, что у старой ищейки не грех кое-чему поучиться.

– Простите великодушно! – сказал мой компаньон, чей бестактный смех вывел из себя маленького человечка. – Действительно, вы первым из нас обнаружили эту улику, за что вам честь и хвала, и я совершенно согласен с вами в том, что она оставлена вторым участником ночной трагедии. Я еще не успел как следует осмотреть комнату и с вашего позволения займусь этим сейчас.

С этими словами он выудил из кармана рулетку и большую лупу. Вооруженный таким образом, он неслышно двинулся в обход комнаты, кое-где останавливаясь, порой опускаясь на колени, а однажды и вовсе улегшись плашмя на пол. Его так поглотило это занятие, что он, похоже, совсем забыл о нашем присутствии, ибо все время бормотал что-то себе под нос, не давая иссякнуть тонкому ручейку восклицаний, огорченных вздохов, посвистываний и тихих возгласов, в которых слышались ободрение и надежда. Своим поведением он живо напомнил мне чистопородную, хорошо выдрессированную гончую на лисьей охоте – то, как она рыщет туда и сюда по лесу, повизгивая от нетерпения, покуда вновь не упадет на потерянный след. Минут двадцать, если не больше, он продолжал свои исследования, вымеряя с величайшей тщательностью расстояние между совершенно невидимыми для меня следами, а иногда прикладывая свою рулетку к стене, где я тоже не замечал ровно ничего достойного внимания. В одном месте он аккуратно собрал с половицы щепотку серой пыли и положил ее в конверт. Наконец он внимательно изучил надпись на стене, очень пристально рассмотрев в лупу каждую букву. Покончив с этим, он с удовлетворенным кивком убрал лупу и рулетку обратно в карман.

– Говорят, что гений – это бесконечное трудолюбие, – обронил он с улыбкой. – Определение не слишком удачное, но к работе детектива подходит как нельзя лучше.

Грегсон и Лестрейд наблюдали за манипуляциями своего штатского коллеги с немалым любопытством и долей презрения. Они явно были не в силах понять то, что уже начал понимать я, – что самые незначительные действия Шерлока Холмса направлены на достижение какой-то вполне конкретной практической цели.

– Так что же, сэр? – спросили оба.

– С моей стороны было бы чересчур самонадеянно лезть к вам со своей помощью, – откликнулся мой друг. – Вы так хорошо справляетесь, что лавры за раскрытие этого дела не должны достаться постороннему. – В его голосе звучал неприкрытый сарказм. – Если вы дадите мне знать, как идет расследование, – продолжал он, – я буду рад помочь чем смогу. А пока я хотел бы переговорить с констеблем, который нашел тело. Вы не назовете мне его имя и адрес?

Лестрейд заглянул в блокнот.

– Джон Ранс, – сказал он. – Сегодня у него выходной. Вы найдете его на Кеннингтон-Парк-Гейт, Одли-Корт, дом сорок шесть.

Холмс записал адрес.

– Пойдемте, доктор, – сказал он, – попробуем его отыскать. Я сообщу вам кое-какие мелочи, которые могут пригодиться в работе над делом, – продолжал он, обернувшись к двум сыщикам. – Это убийство, и убийца – мужчина во цвете лет. Он высок – больше шести футов, хотя ноги у него довольно маленькие для такого роста. Ночью на нем были грубые сапоги с квадратными носами, и он курил тричинопольскую сигару[3 - Тричинополи – город в Индии, центр табачного производства.]. Приехал он сюда вместе с жертвой в четырехколесном кебе, запряженном лошадей с тремя старыми подковами и одной новой, на правой передней ноге. По всей вероятности, у преступника красное лицо и нестриженные ногти на правой руке. Это лишь несколько деталей, но они могут сыграть свою роль.

Лестрейд и Грегсон переглянулись с недоверчивыми улыбками.

– Если этого человека убили, то каким способом? – спросил первый.

– Яд, – бросил Шерлок Холмс и зашагал прочь. – И еще одно, Лестрейд, – добавил он, обернувшись на пороге. – «Rache» по-немецки «месть», так что не теряйте времени на поиски мисс Рэчел.

Выпустив эту парфянскую стрелу, он ушел, а два соперника смотрели ему вслед, разинув рты.

Глава 4

Что рассказал Джон Ранс

Мы покинули дом номер три по Лористон-Гарденс в час пополудни. Шерлок Холмс повел меня на ближайший телеграф, где отправил длинную телеграмму. Затем он остановил кеб и велел кучеру отвезти нас по адресу, взятому у

Лестрейда.

– Нет ничего полезнее сведений из первых рук, – заметил он. – Честно говоря, я уже составил свое мнение по этому делу, но нам все равно не помешает узнать то, чего мы еще не знаем.

– Вы меня поражаете, Холмс, – сказал я. – Не можете же вы быть и вправду так уверены во всех подробностях, которые нам перечислили!

– А мне было негде ошибиться, – ответил он. – Первое, что я заметил, когда мы приехали, – это две колеи, оставленные кебом, подкатившим совсем близко к тротуару. Но до прошлой ночи целую неделю стояла сухая погода, а значит, колеса, от которых остались такие глубокие отпечатки, побывали там именно этой ночью. Видел я и следы лошадиных копыт, причем след от одного из них был гораздо отчетливее, чем от трех других, – стало быть, эта подкова новая. Поскольку кеб приезжал после начала дождя, а утром никаких экипажей больше не появлялось – это известно со слов Грегсона, – можно сделать вывод, что именно он доставил к дому обоих участников ночного приключения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Гази – участники газавата, войны мусульман с неверными. (Здесь и далее – прим. перев.)

2

Строка из «Опыта о человеке» Александра Поупа.

3

Тричинополи – город в Индии, центр табачного производства.

Купить: https://tellnovel.com/ru/doyl_artur-konan/etyud-v-bagrovyyh-tonah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)